

Величко А.М.,
доктор юридических наук

Война и мир в духовной жизни человека (о нашей «свободе»)

*«Некоторые говорят: ныне нет
мученического подвига.
Несправедливо. Умри греху и
будешь мучеником».*

Авва Афанасий¹

*«Когда мы связаны со Христом
абсолютным доверием, тогда мы
счастливы и радостны. Пребываем
в райской радости. Молитесь Богу
с распростертыми руками. Это -
тайна святых».*

*Преподобный
Порфирий Кавсокаливит²*

I.

Для чего мы живем? В чем смысл нашей жизни? Даже людям, далеким от умозрительного философствования, рано или поздно приходят на ум эти вопросы. Они же напрямую подводят к главному: *кто мы, что такое человек?* Случайный каприз, возникший из неразумной природы, игра химических реакций и пыль на дороге истории? Или образ Божий, Божье творение – причем, не только самое высшее, но и любимое. Для сколь-либо разумного сознания ответ очевиден. Как и главная задача человека на земле, заповеданная Создателем, – обожиться, стать тем, кем мы *должны быть*.

Но как уподобиться Христу? Для этого нужно пройти по жизни Его путем, или, как писал один русский священник, «ту чашу, которую Ты просил пронести мимо, позволь пригубить и мне, недостойному рабу Твоему»³. А это далеко не просто – «можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь?» (Матф.20:22). Ведь «будете ненавидимы всеми за имя Мое... Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был как учитель его, и для слуги, чтобы он был как господин его. Если хозяина дома назвали вельзевулом, не тем ли более домашних его?» (Матф.10:22-25). Но это и означает стать *сопричастным* Христу, самой нашей жизнью засвидетельствовать верность Ему.

Стать сопричастным Богу... Какая дерзость! К Богу, сошедшему к Своим рабам, искоркам, сгорающим в путине жизни — это невозможно представить! Не случайно, как полагают богословы, именно это событие окончательно предопределило судьбу дьявола, который, пожелав занять

«свободное» место в Троице взамен вочеловечившегося Христа, окончательно был низвергнут с неба⁴.

Само по себе это событие – вочеловечившийся Бог - «для эллинов безумие, для иудеев – соблазн» (1 Кор. 1:23) было совершенно *беспрецедентным* во всем мироздании. Вполне привычно для человеческого сознания, когда люди хотят стать богами (одна фантастическая книга так и называлась - «Люди как боги») уподобиться им в могуществе и бессмертии (хотя и эфемерно) – на этом строилась еще античная мифология. Весьма характерно, что мифические античные герои – это особый род смертных существ, считавших себя потомками богов, люди-атланты, являлись богоненавистниками и родичеубийцами, от которых стонала земля. Как и от Каина, она не могла принимать проливаемую героями кровь; это и стало причиной их полного истребления⁵. Но пожелать стать «наоборот»?!

Нужно хотя бы отдаленно представить себе подлинную картину Крестной смерти Спасителя. Ради нас, ради нашего спасения Он пришел в облике человека и, *одинокий*, хотя и в окружении учеников и многочисленных толп, ходил 33 года по земле, которую же Сам и сотворил. Вот, Он прошел дорогой страданий – синедрион, претория, темница. Вот, Ему на голову надели терновый венец, легионеры бьют по ланитам, толпа свищет и орет: «Кровь Его на нас и на наших детях!» (Матф.27:25). Принесли гвозди, и солдаты вбивают их в Его тело. Наконец, Крест воздвигается, и Христос висит на нем, стеная и умоляя Отца Своего Небесного о прощении собственных мучителей.

Даже сама по себе эта картина выглядит мученически. Но полноту ей можно придать за счет некоторых чрезвычайно важных «деталей». Казнили *не человека* – пророка, преступника или раба. Ненавистно, жестоко и хладнокровно убивали Творца мира, Того, Кем весь космос и был создан. Попытаемся представить себе ужас и горе Спасителя, видевшего, как Его гонят собственные дети, вследствие безмерной любви к которым Он пришел дать им бессмертие. Однако это произошло, и не посторонние люди, а Его любимые чада гнали Иисуса все эти годы. Не легионеры, смеясь, надели на Него терновый венок и вбивали в руки и ноги гвозди, а спасаемые Им Его же дети. Они же играли в кости на одежды своего Отца, сидя внизу под крестом. Может ли кто-нибудь представить такую картину в отношении себя самого?! Не сойдет ли он с ума от отчаяния?!

Способен ли сам по себе человек на такой подвиг, по силам ли он ему? Казалось бы, вполне – ну, быть может, не до таких масштабов. Стоит лишь устремить к этой цели свою волю, напрячь характер, отрешиться от соблазнов. «Я хожу в Церковь, пощусь, молюсь, творю милостыню – чего же боле?!». Ну, вот, и *свободно* уподобился Христу.

Действительно, как известно, воля человека свободна и в известной степени автономна. «В известной степени» – потому что, по словам преподобного Серафима Саровского, на человека всегда одновременно действуют 3 (!) воли: Божественная – всеблагая и спасительная, человеческая – немощная по своей природе, и бесовская – губительная⁶. Вследствие первородного греха «человеческая» составляющая воли лишь *кажется*

самостоятельной, но в действительности легко попадает в зависимость от бесов и в результате приобретает уверенность о своей «независимости» от Бога. Очень часто даже люди, считающие себя верующими людьми, на самом деле полагают, что к Христу можно прийти каким-то иным путем, не столь мучительным. И формируют свое знание о Спасителе и окружающем мире (созданным Им же) не по дарованным нам Богом текстам Священного Писания, а «научным» путем познания. И получают выдуманный мир, где Богу нет места.

Любопытно, как, например, такое обезбоженное сознание выходит из ситуации с признанием непостижимости для себя окружающего мира. Оно его просто «не замечает», а собственное мнимое полновластие распространяет лишь на открывшиеся ему сферы Вселенной, полагая, будто в дальнейшем по этому же алгоритму будут развиваться его отношения и с неизвестными тайнами бытия.

Об этом как-то удачно писал С.Л. Франк: «Мы исходим из допущения, что все нам доселе неизвестное, от нас скрытое, как и все поражающее нас новое, может быть познано, «объяснено» - т.е. сведено к знакомому, «понятному», и что оно имеет такое строение, что даже если оно и остается фактически непознанным и непостижимым, мы имеем право признавать его в принципе познаваемым и постигаемым, т.е. сводимым на элементы либо уже знакомые и понятные, либо могущие стать нам знакомыми и понятными. Таков прозаический, рассудочный, обмирщенный образ мира; именно в мире такого рода протекает обычно наша мысль. Этот мир остается неосвященным, будничным – *миром без святыни*»⁷. Конечно же, *такому* человеку Бог не нужен, Он лишь *мешает* ему жить. «Нет Его, и беда не придет на нас, и мы не увидим ни меча, ни голода»» (Иер.5:12).

Однако давно подмечено, что это мнимое всемогущество над внешним миром – самообман, и человек не в состоянии справиться не то что с внешними угрозами, но хотя бы контролировать собственные страхи. Давно подмечено, что больше всего человека «разумного» сводит с ума *неизвестность* в отношении его самого. И, очевидно, по той причине, что он теряет ту нить жизненного следования, которую сам себе нарисовал и в какую так уверовал. Ведь так все было очевидно по логике причинно-следственной связи: человек уже «устроил» свою жизнь, которая так ему понятна, объяснима, и вдруг...

Вот этого «вдруг» человек и боится больше всего, поскольку не знает его, не может «открыть» для себя, и будущее пугает. Он готов верить в приметы и предсказания. «Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет» (Матф.16:4). Любое слово современной пифии, сомнительное на самом деле в своей достоверности, значит для него больше, чем вера в Бога. Но «что такое жизнь ваша? пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий» (Иак.4:24).

II.

Увы, описываемая картина не просто широко распространена, она – *обычна* для всех времен и народов в той или иной степени. К сожалению, для

нашего времени – хрестоматийна. В ней для Бога места нет, а потому и главная задача обожения человека звучит нелепо. К чему же тогда все усилия Творца? Наверное, чисто теоретически, задача преодоления «ветхого человека» могла быть решена Им радикально и просто: путем уничтожения самого человека, как это было во время Потопа. Невольно вспоминается многократно произнесенное Богом Саваофом Моисею слово об уничтожении некоего народа, неблагоприятного, жестокого, и рождение от Моисея нового рода (Исх.32:9,10).

Но «Бог снизошел, чтобы человека поднять и возвысить до Бога»⁸. Он по Своей неизреченной любви не желает не только уничтожать Свое творение, но вообще не желает насильствовать волю кого-либо из нас. Христос хочет, чтобы мы пришли к Нему без знамений и чудес.

И что же Христос «требует» от нас взамен? Того же самого, чем и Он существует – *любви*. Лишь в любви человек может уподобиться Богу, лишь в любви он может обожиться. Архиепископу Антонию (Храповицкому) принадлежат очень точное раскрытие состояния Трех Лиц Святой Троице. Лица различны, говорил он, но в силу того, что Они пребывают в состоянии абсолютной и безграничной любви, Отец, Сын и Святой Дух настолько единоклубны, что неразлучимы и немислимы Одно без Других. Эту же любовь Христос предлагает каждому из нас.

В одной книге была как-то изложена мысль, что Христос любит лишь тех, кто *уже* возлюбил Его, но, вероятно, это не вполне верное выражение. Христос *любит всех*, кому дал жизнь, и терпеливо стучит в дверь каждой души, благородно не желая попираť нашей свободы. Если бы Он любил лишь праведников такого могучего уровня, как преподобный Сергей Радонежский или Серафим Саровский, *урожденных* к святости и великим подвигам благочестия и аскетизма, то все остальные Его творения были бы обречены. Но Он любил и преподобную Марию Египетскую, и разбойника, висевшего справа от Него на кресте.

Как Солнце, Христос светит всем, всем открывает путь к Себе, у Него нет predeterminedенных ко спасению, и тех, кто станет для них «дровами» в раю. Он – не безучастное светило, а деятельный Спаситель, дорожающий *каждой* овцой Своего стада (Лк.15:4-7). «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин.10:11). И возвращение одного только блудного сына для Него и всех святых – праздник во всем Царствии Небесном, завершающийся грандиозным пиром (Лк.15:11-32).

Великая тайна Божьей любви – *непосредственность* отношения между Христом и человеком. Авва Алоний говорит: «Если человек не положит в сердце своем, что кроме его одного и Бога никого нет другого в мире, то не возмoжет обрести спокойствия в душе своей»⁹. И это глубоко верно и точно: есть Христос и есть каждый из нас. Для двух любящих душ нет никого во всем свете, есть лишь они одни. Но если в земной любви в силу нашей греховной природы это приводит к известному эгоизму, то в любви с Богом это состояние *единоклубия* с Ним. А Его – со всеми нами и с каждым из нас.

С каждым из нас Он состоит в особых отношениях любви, которые касаются тайны нашего бытия в Нем. И все вместе мы во Христе и со Христом любим друг друга, и это и есть Церковь – как собрание единомышленных, единоверующих, любящих друг друга лиц – «ныне и присно и во веки веков». Лишь через Христа и во имя Его могут собраться двое и трое, чтобы и Он был с ними. «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас» (Ин.14:20). О, бескорыстная, покрывающая наши грехи и немощи любовь! Где есть любовь, там нет страха, поскольку любовь возникает лишь там, где человек пребывает с Христом и грех умерщвлен. А с Христом какой страх?! «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1 Ин.4:18).

Безгранично любящий и всемогущий Господь никого из нас никогда не оставляет Своей любовью и заботой и *всегда* готов помочь. «Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюся; Господь защититель живота моего, от кого устрашуся» (Пс.26). Бог есть Любовь, а «любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13:4-7).

Но здесь возникает неожиданный на первый взгляд вопрос: а *способен ли* человек сам по себе полюбить Бога до самопожертвования, как это сделал Христос? Притом, что Спасителю «всего лишь» нужен «дух сокрушен, сердце смиренно и униженно» (Пс.50). Увы, скорее следует признать, что «когда я обращаю свой взор на самого себя, то убеждаюсь, что не люблю Бога, не имею веры и что я полон высокомерия»¹⁰.

Наше упоение собственной волей, гордыня, настолько укоренена в человеческой природе, что в буквальном смысле слова нам нужно *отсекать* ее, чтобы приблизиться (только лишь) к Богу, не говоря уже о большем. Освобождение от греха возможно лишь через *преодоление* нашего естества, поскольку оно искажено им; и другого пути нет. В том-то и проблема человека, что сам по себе любить Бога он не может!

Всего-то и нужно отдать Богу свою волю, свою свободу, отказаться от нее. Какая, казалось бы, малость! Но в том-то и дело, что в обычной ситуации этот «отказ» в действительности таковым не является. В сознании возникает масса соблазнительных картин, которые Господь «должен» нам обеспечить взамен отказа от нашей свободы – а в чем же, скажите, тогда смысл этой «сделки», если Творец не хочет сделать то, что нам и так «положено»?! Разве мы заслуживаем чего-то плохого?

Так, за внешним отречением от своей самости мы пытаемся навязать свою волю Христу. Мы готовы признать Христа и отдать Ему свою свободу, но так как *мы* этого хотим и как сами это понимаем. «Люди хотят решить и иметь добренького Бога. Такого Бога, чтобы Он прощал нас, а мы продолжали бы грешить. То есть чтобы мы творили все, что хотим, а Он прощал бы нас не переставая»¹¹. Или, еще короче: «Ради тебя Бог унижил Себя, а ты ради Него не унижаешься, а возвышаешься и гордишься»¹².

За этим желанием *втайне* сохранить своеволие забывается, что ни в каких самых романтических снах мы не придумаем ничего лучше того, что предуготовил нам любящий Бог. Только Христос думает не о материальных благах и наслаждениях, а о главном - о нашем спасении. Вся наша жизнь во всех ее хитросплетениях, все наши потребности и запросы Ему ведомы изначально. И все потребное для жизни Он даст без подсказки.

Но как это противоречит нашей природе! Господь попускает нам скорби, чтобы мы раскаялись и могли исповедать свои грехи, каждый из которых способен стать препятствием для вхождения в Царствие Небесное. Но что нам до того! У нас своя система ценностей: мы начинаем просить у Христа не прощения нераскаянного греха, а сетуем на то, что лекарство слишком горько и тяжело. Нынешняя мимолетная жизнь нам важнее вечного спасения. Отсюда, очевидно, один шаг до классического выражения Ф.М. Достоевского из «Записок из подполья»: «Скажут мне чай не попить или пусть весь мир рухнет. Да по мне пусть мир и рухнет, лишь бы я чай испил». А нужно «всего лишь»: «С великой радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1:2-4).

Поэтому великие подвижники веры советуют не просить у Христа каких-то конкретных благ или освобождения от грядущих опасностей. Господь и так знает, *что* нам потребно. Нужно просить лишь того, чтобы Он даровал нам силу веры и твердость духа, дабы предаться Его спасительной воле и принять ее без ропота и маловерия. «Не будем молитвой насиловать Бога. Не будем просить у Бога избавить нас от чего-либо или разрешить наши проблемы. Но будем просить у Него силы и укрепления, чтобы перенести все. Если мы верим в Его благой промысел, если верим в то, что Ему известно исключительно все в нашей жизни, и Он всегда хочет добра, почему нам не довериться Богу?»¹³.

Здесь нет никакого фатума, поскольку воля наша все же свободна (хотя бы и относительно). Но, разумеется, для Бога нет ничего неведомого и закрытого. И, конечно же, Ему ведомы и те, кто выберет лучшую долю, и те, кто отказался от Него. Поэтому в молитвах нередко встречается выражение «избранники Божьи», ставшее причиной возникновения учения о Божественном предопределении у кальвинистов. Разумеется, нет никакой необходимости всемогущество Бога облекать в сомнительный термин «судьба».

III.

Итак, обожение человека возможно лишь при *кардинальной* трансформации всего его естества, при абсолютной жертве Богу того, что поразил грех, что само по себе *уже* мертво и бесплодно. Но это и есть именно то, чем так дорожит каждый из нас, за что борется и что составляет, по глубоко ошибочному расхожему мнению, нашу личность. В действительности человек приобретает истинную свободу, лишь *отказавшись* вот нее в «пользу» Бога.

Как говорил преподобный Максим Исповедник, то, что мы называем «свободой», а именно право выбора между Богом и грехом, добром и злом, *уже* является следствием пораженной грехом человеческой природы¹⁴. На самом деле человек свободен лишь в Боге, и это его естественное состояние. Какая же это свобода, если она, *оценивая* Христа, уже не свободна?! Вся наша жизнь, весь наш путь духовного обновления и обожения - от «научи меня молиться, Сам во мне молись» (по святителю Филарету Московскому), до апостола Павла: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2; 20).

Это – не просто разовый отказ от своего «я» во имя высшей цели, а ежедневное, ежеминутное понуждение себя жить по Христу и с Христом - ведь человек продолжает жить, и природа его не меняется. «Царствие Небесное силой берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Матф. 11:12). *Уйти от себя* – это когда человек говорит: «Пошли меня туда, куда пожелает Твоя любовь. Я достоин ада. И даже если пошлешь меня в ад, лишь мне быть с Тобой. Одного хочу, одного желаю, одного ищу, Христе мой, - быть с Тобой, где бы и как бы Ты ни пожелал»¹⁵.

Это - *война* человека с самим собой, своим греховным эго, но это - и *мир* в Боге. А потому из уст Спасителя слышны слова, которые, казалось, никогда не могли быть Им произнесены: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Матф.10:34). «Думаете вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение» (Лк.12:51).

Чтобы полюбить Христа, необходимо чистое сердце, дабы грех не побеждал нас, не препятствовал нам прийти к Спасителю. «Блаженные чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матф. 5:8). Сердце очищается от греха молитвой, верой и смирением. Молитва, смирение, терпение – наши верные союзники. Но и они могут возникнуть лишь по милости Христа – ни одна молитва не состоится без Божественной благодати¹⁶.

Когда апостолы однажды спросили Христа: кто может спастись, Он ответил: «Невозможное человеку возможно Богу» (Лк.18:27). А потому: «Сердце чисто *созижди* во мне, Боже». Вообще, легко заметить, что очень часто в молитвах человек выступает в пассивном качестве. Он просит Бога о том, что сам сделать не в состоянии. Например, в канонах Покаянном ко Господу, Пресвятой Богородице и Ангелу Хранителю неоднократно звучат выражения: «от тли недуг возстави мя», «полезно сотвори», «радости мое сердце исполни», «сотвори мя достойна Царствия Небесного», «приими молитвы моя, и донеси я Сыну Твоему» и т.п.

Весь грандиозный подвиг человека состоит не в том, чтобы самому освятиться – это нам не по силам. А в том, чтобы преодолеть свое «я» и вверить себя Христу. И совершается этот великий подвиг исключительно *верой*, которая, как говорил апостол Павел, «есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр.2:1).

Замечательно, что «покаяние» - одно из Таинств, посредством которого человек освобождается от греха, в греческом языке означает кардинальное изменение человеческого существа, его возрождение, изменение образа мыслей, перемену жизни. И как все блага Бога, покаяние становится

возможным лишь по благодати Божьей. «Только когда благодать Божия всеет в сердце человека семя Божественной любви, он сможет увидеть свою духовную несостоятельность. Солнечный свет, проникая в темную комнату, освещает все. Так и благодать Божия открывает нам опустошенность наших душ, обнажает наши страсти, наши грехи»¹⁷.

Да что там покаяние – *все* церковные Таинства, вся церковная жизнь посвящена лишь этой цели – стяжать благодать Божью и при помощи Христовой любви предаться Ему. Это-то и есть самое трудное: «всецело предаться воле Твоей святой», помнить, что «все ниспослано Им», что «какие бы ни получал я известия, дай мне принять их со спокойным сердцем и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя» (молитва Оптинских старцев). Слова легко звучат при молитве, неизмеримо труднее их исполнить в жизни. Более того, борьба с самим собой многократно усложняется действием на человека бесовской воли, жаждущей погубить его; это и есть великий духовный подвиг (Еф.6:12)¹⁸. Вследствие этого так понятны слова апостола Павла: «Не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим.7: 15, 16).

А потому смирение перед Богом, отказ от своей воли, своей исключительности, своего «я» и есть *высшая свобода человека*. Вслед за которой он становится недостижимым для греха. «Смирение обладает великой силой, - писал преподобный Паисий Святогорец. – От смирения диавол рассыпается в прах. Там, где есть смирение, диаволу не находится места. В прощении «помилуй нас» есть смирение – и просящая великой милости Божией душа приемлет просимое»¹⁹.

По Преданию, на мытарствах бесы будут мучить людей лишь за те грехи, которые остались неискупленными и нераскаянными. Так и в нашей земной жизни они имеют власть мучить нас лишь в том, что в нас остается греховным, не очистилось слезой покаяния. Блудника будут истязать блудными помыслами, маловера и гордеца – умилением и жалостью к себе, что автоматически приводит к роптанию на Бога и неверию в Него и Его благой Промысел о нас. В чем мы даем бесам власть над собой, в том и попираемы ими.

Зато душа, омытая слезами духовного раскаяния, становится недоступной им, она отдала себя Богу, *доверилась* ему. Тяжесть старых, уже искупленных грехов, все еще довлеет над человеком, и он как бы оглушен взрывом того радостного освобождающего от греха чувства. Но как Вакула недоступен для рук ведьмы, скользящих вокруг святого круга, который тот описал вокруг себя, так и мы защищены от бесов спасительной силой Божьей благодати, наполнившей нашу душу. Пока не совершен новый грех, человек неподвластен бесам. До тех пор, пока он не изменил (увы, снова и снова) Христу, ничто мерзкое его коснуться не в состоянии.

В идеале происходит то, что демонстрируют нам святые – они уже не просто не поддаются под власть бесов, но те сами в страхе и криках бегут от

них; они повелевают князьями тьмы, как и их Учитель – Христос. Разумеется, это происходит не вследствие мистического перевоплощения человека или каких-либо оккультных практик. А в силу того, что освобожденная от греха душа способна безмерно вместить в себя Христа. Спаситель сочетается с нами, соединяется с нами, а мы становимся сродниками Его.

Любая иная попытка освободиться от бесов, сопряженная нередко с желанием ими повелевать, приводит лишь к тому, что человек саморазрушающийся, «поднимаясь» все ниже и ниже по ступеням бесовского «посвящения», в итоге сам становится орудием своих «слуг». Классический пример – император Юлиан Отступник, прошедший все, вплоть до «высшей», ступени сатанинского посвящения, приносивший человеческие жертвоприношения и открыто объявивший войну Христу²⁰. Но последними его словами все же были: «Ты победил, Галилеянин!»²¹.

Зато душа, наполненная Христом, не имеет никаких границ своей любви к Нему. «Христовой любовью не насытятся. Чем больше Его любишь, тем больше думаешь, что не любишь Его, и еще больше желаешь любить Его. И, несмотря на се страдания и немощи у тебя есть уверенность, что ты преодолел смерть, потому что находишься в общении любви Христовой»²². Это и означает, что человек, победоносно завершив при Божьей помощи войну со своим греховным естеством и обретя мир в душе, возвратился в свое *естественное*, райское состояние.

-
- ¹ «Отечник, составленный святителем Игнатием (Брянчаниновым). Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеймонова монастыря, 1996. С.59.
- ² *Старец Порфирий Кавсокаливит*. Житие и слова. Малоярославец, 2006. С.178, 179.
- ³ *Острик Алексей, протоиерей*. Молитва. М., 2019. С.61.
- ⁴ *Булгаков Сергей, протоиерей*. Апокалипсис Иоанна Богослова. Опыт догматического истолкования. Париж, 1948. С. 92-95.
- ⁵ *Авдеенко Е.А.* Гомер. «Илиада»: мировоззрение эпоса. М., 2017. С.63-65.
- ⁶ «Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель». Свято-Троице-Серафимо-Дивеевский женский монастырь, 1999. С.104.
- ⁷ *Франк С.Л.* Непостижимое//Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С.189.
- ⁸ «Если на сердце радости и покоя нет. Мысли и наставления старца Фаддея Витовницкого». Минск, 2015. С.12.
- ⁹ «Отечник, составленный святителем Игнатием (Брянчаниновым). С.56.
- ¹⁰ *Нектарий (Антонопулос), митрополит*. Возвращение. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2016. С.41.
- ¹¹ *Преподобный Паусий Святогорец*. С болью и любовью о современном человеке. М., 2010. С.47.
- ¹² *Нектарий (Антонопулос), митрополит*. Возвращение. С.16.
- ¹³ *Старец Порфирий Кавсокаливит*. Житие и слова. С.176.
- ¹⁴ См.: *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви. М., 1991. С.95, 96.
- ¹⁵ *Старец Порфирий Кавсокаливит*. Житие и слова. С.149.
- ¹⁶ Там же. С.181.
- ¹⁷ *Нектарий (Антонопулос), митрополит*. Возвращение. С.11, 13.
- ¹⁸ *Старец Порфирий Кавсокаливит*. Житие и слова. С.176.
- ¹⁹ *Преподобный Паусий Святогорец*. С болью и любовью о современном человеке. С.65, 66.
- ²⁰ *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. М., 1880. С.296, 297.
- ²¹ *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XXV. Глава 3. М., 2005. С.357, 358.
- ²² *Старец Порфирий Кавсокаливит*. Житие и слова. С.154, 158.